

...КАК Я СПАС СТАЛИНА...

...В невысоком дуплистом столбе бесконечных рядов лагерного ограждения птицы свили гнездо. Пришла пора. И поскольку на этой голой каменистой земле не нашлось ни травинки, ни веточки, на устройство гнезда пошло то, что здесь, в горах Чукотки, осталось в изобилии, — куски колючей проволоки ограждений.

Птичью колыбель, покинутую обитателями, участники чукотской экспедиции обнаружили на границе жилой и рабочей зоны каторжного лагеря "Восточный".

...Полярная Чукотка, порт Певек на побережье Ледовитого океана...

Еще не так давно это был город-зона, где вольные работали за колючей проволокой под надзором охранников на вышках, а заключенных не было необходимости охранять — и в этом было дьявольское "новаторство" системы, ибо сама природа, океан, бесконечность тундры,казалось, стояли на страже этого очередного "детища сталинских пятилеток".

Отсюда начиналась дорога на урановые лагеря, в эту адову котельню XX века, губительное пламя которой для стольких оказалось роковым.

Арктическая Чукотка — это Ultima Thule — явленная догадка древних греков, предсказанная ими еще в мифологические времена, самая северная из обитаемых земель, край света, бериевский лабиринт, всех принимавший, но так неохотно отдававший свои жертвы.

Для граждан СССР и иностранных подданных этот путь, начинавшийся в следственных подвалах, продолжался бесконечными рядами колючей проволоки; их сеть опутывала всю страну, теряясь в горных ущельях Чукотки, где практически и не нужны были ряды ограждения, — заключенного убивал жестокий холод, свирепые выюги, мертвое безмолвие самой земли, затаившее невидимую опасность — радиацию.

В 40–50-е годы людей гнали сюда тысячными этапами. В Певек они прибывали в трюмах барж и судов. Тех, кто выживал, дальше гнали пешком. Дорога до сих пор та же, по которой шли, падали и мостили своими костями скорбный путь.

На Чукотке, где, по оценке местных исследователей, находилось одновременно до 150 тысяч заключенных, за десятилетия Гулага полуостров стал кладбищем безымянных жертв — на каждого погибшего, если хоронить не в общей яме, пришлось бы до 6 квадратных метров территории.

Ненастье обрушивается на Чукотке моментально, в несколько минут. На только что чистое небо вдруг надвинулись тучи, налетел вихрь колючего снега, даль закрылась, становится темно, совершенно теряется ориентировка.

Геологи до сих пор рассказывают о замерзшем в дороге на Гыргычан тысячном этапе, вместе с конвоем застигнутом пургой, которая длилась несколько дней, при сильном, не ослабевающем ни на секунду, пронизывающем насеквоздь ледяном ветре. Здешний южак сбивает с ног взрослого человека.

Заключенных тех давно нет. Остались гранитные бараки с черными провалами зарешеченных окон — каменные братские могилы, цепляясь друг за друга грозьями колючек, они образуют города мертвых, поражающие размерами и кладкой. Обреченные стоять века, гранитные здания отмечены на картах геологов скучными пометками: бараки, землянки.

Советский ампир барабанного зодчества эпохи строительства социализма — наш вклад в мировую архитектуру — раскинулся от Москвы до самых до окраин.

На одном полюсе холодное отчуждение официоза парадных фасадов Совмина, Госплана и зданий Старой площади, на другом — цепенящий холод склепов.

Два полюса: имперской стратегии со штабами Гулага, с надменностью облицовки полированного гранита — и неотесанных гранитных блоков циклопической кладки жилья простого советского заключенного, где за ночь человек примерз к нарам.

Чего стоила жизнь заключенного в тех условиях? Ответ на этот вопрос мы искали везде, в том числе и на необозримых лагерных кладбищах, понимая, что там лежат далеко не все. Смерть в дороге на этапе, в штолнях от непосильного труда, несчастного случая, просто произвала конвоя, чаще всего не затрудняла выбором места для могилы, в Арктике всегда условной. Небольшое углубление среди камней — вот и вся могила. Вокруг карцера на "Северном" несимметричные горбики камней. Хоронили прямо за порогом.

С большим трудом на кладбище можно разобрать фамилию заключенного, а вот номер бригады годы не стерли. И умирая, человек остается приписанным к системе повинности каторжной кабалы.

При входе в один из бараков "Северного" рядом с крючками для одежды наклеены один на другой бумажные клочки с именами и фамилиями заключенных. Вряд ли кто вешал на эти крючки телогрейки и бушлаты из соображений сохранности, да и промерзшему до костей заключенному и в бараке без них не согреться. Но номера сохранились. Фамилии не разобрать, сохранилась лишь бригадирская — Макаров.

Слипшиеся в папье-маше, они легко отделились от доски. Я вздрогнул от неожиданности касания к чему-то памятному с детства: крестьянские грамотки, поминальные записки с перечнем имен родственников, близких. Их подают из рук в руки в церкви, с сухим шелестом плывут они над склоненными черными платами матерей, сестер и жен белыми птицами, гонцами черной скорби. И еще милостью той минуты службы во время Великого поста, когда в тишине после слов молитвы каждый про себя только губами повторяет имена всех, кого помнит душа.

Эстафетой из того мира я держал в руке бригадный мартиролог с еле заметными следами давления карандашного грифеля. Тяжело стиснутые прессом времени листы легли на ладонь наказом помянуть, выполнить последнюю волю, безвестным душеприказчиком отстоять службу: за упокой ли, за здравие? Знать бы, да подпись истлела...

Жив ли кто-то из них, живы ли родные? Мне сказали, что надписи эти не пропащие, с помощью специалистов их можно прочесть. Эти бумажки – послания нам, склеенные в 10–12 слоев, переданы в музей Певека.

Здесь, где за каждым бараком угадывались безвестные могилы, я чувствовал невольную вину перед этими людьми, "отлученными от Бога", и перед Богом, "оставшимся без человека".

Сколько жил человек в тех условиях? Понятно, что пути его перемещения достаточно определены – на работу, с работы. Переставал человек выходить на работу – значило, за вычетом заболевания, только одно – смерть.

Поскольку работа стоять не может, на его место приходил другой, о чём и сообщала новая бирка, наклеенная сверху. Новая бирка – единственная эпитафия ушедшим. Одновременно она извещала, что урон восстановлен, работа продолжается. Тут же сообщалась фамилия очередной жертвы.

Кто были эти люди? Вот только одно свидетельство с более чем сорокалетним адресом. На кладбище "Восточного" я подобрал могильную бирку на Айзено... – дальше стерто – Анатолия Павловича, 1931 года рождения. И дата смерти – декабрь 1947 года. Кто был этот человек, проживший на свете неполных семнадцать лет? Политический, уголовный?

Шаг за шагом, от могилы к могиле в туманный дождливый день обходим кладбище, вглядываемся в отверстые могилы. Хоронили без одежды и обуви, кое-где клок стружек в изголовье; неприкаянно белеют среди камней кости да черепа со страшным поперечным распилом. И после смерти узников ожидал очередной, уже загробный круг ада – послужить системе подопытными "кроликами": мозг препарировали, чтобы определить, как быстро убивает его радиация.

В поисках границ кладбища обходим ряд за рядом. Каждый раз веха, обозначившая край кладбища, снова уходила вдаль с очередной могилой, и, окончательно измотанные, мы оставили это занятие, убеждаясь каждый раз в тщетности наших усилий.

Закон контрастов – главный закон сотворения Чукотки, где всего чересчур и все чрезмерно, – делает ее особой планетой.

Однажды попав в поле ее притяжения, испытываешь его непреодолимую силу. Настолько все фантастично, настолько разнится все увиденное с обыденными представлениями, что приходит мысль – не видение ли это?

Чья эта выдумка, когда над горизонтом рождается сразу несколько солнц или одно, громадное, в полнеба, когда искаженные масштабы окружающего ландшафта рисуют картину с черным небом в полдень и живым колыханием – белым-бело застлано – гигантского покрывала океана с редкими зазубринами скал, как бы метя дорогу к нему – какая же действительность реальнее?

Или чукотская фата-моргана, северные миражи, когда, казалось бы, четкий контур мыса вдруг смещается, оказывается подвижным, плывет и меняет очертания, появляясь каждый раз в другом месте.

Здесь все сразу: ослепительное незакатное солнце и сквозняки штормовых ветров в коридорах горных ущелий. Соперничество сразу двух великих океанов – Северного и Тихого – щедро дарит зиму пургой и вьюгами, а летом частыми туманами, которые берут приступом местную высоту – Королеву – и держат ее в плена сутками. Здесь и барометра не надо. Облака вокруг Королевы заходили – жди непогоды.

Туман сплошной завесой отгораживает от остального мира, оставляет наедине с этими громадинами – братскими гробницами Гулага. Тогда этому городу мертвых в окружении гранитных стражей кекур безлюдье становится невыносимо.

Под порывами ветра рваные клочья тумана кажутся одушевленными. Будто нас обступили тени непогребенных и скнивших в бревестных могилах. Они восстали, прибегнув к единственному доступному им – не дать погаснуть экрану нашей памяти, чтобы мы не забывали, что они были. Если мы не хотим быть теми, чем они стали.

Всегда готовые уйти в побег, тени клубятся, собираются в табун и, заслонив солнце и весь белый свет, мечутся среди бараков под этим низким небом и иссеченностью камней. Но беглецам и скитальцам от рождения никогда не вырваться из вечной мерзлоты, ибо смертным причастием определена им здесь вечная прописка.

Весной 1953 года Гулаг, как и вся страна, затаился. Все ждали перемен. Тиран, ставший символом тоталитарной системы, пал, но долгожданной свободы его смерть каторжанам не принесла.

До сих пор живы легенды о восстании заключенных в августе 1953 года. Одна из них почин восстания облекает в детективную историю с переодеванием заключенных, выдавших себя за ожидаемое начальство, которое никто не знал в лицо. Это дало выигрыш инициативы и помогло обезоружить лагерную охрану. Так было или иначе, но той осенью глотка свободы хватило недолго. Отряды восставших с командирами из своих же каторжан — бывших офицеров, вооружившись чем попало, решили идти на Певек. На подходе к порту были встречены заградительными отрядами и под огнем повернули обратно. Восставших загнали в устье ручья Гранитного.

Разрозненные группы заключенных были расстреляны с самолетов пулеметными очередями по всем правилам искусства охоты на людей. Живые были заброшены гранатами. Трупы восставших были зарыты в устье ручья. Живым оттуда никто не вышел. Каменный истукан продолжал стоять в карауле.

Частокол запретных зон преследует повсюду. Хотя часовые сняты и в спину вам не выстрелят, везде таблички "Стой, стреляю!" — предупреждение срабатывает помимо воли и сознания.

Безотчетная тревога не покидает вас на этой земле. Будто вы находитесь на острове, к берегам которого не подойдет ни один корабль.

Заключенным, прибывавшим сюда длинным морским путем, говорилось именно так. Охранники использовали это для пресечения попыток побега.

Зона

Мне рассказали о вышедшей на Западе книге воспоминаний спасшегося узника. Он пишет, что сидел в урановых лагерях, точно описывая чукотские, но называет это место островом Врангеля.

Позднее я встречался с участниками картографической экспедиции аэрофотосъемки острова. Они в один голос заявили: следов лагерей на острове Врангеля не обнаружено.

Нигде так не чувствуется хрупкость жизни. Здесь крохотный куст сирени, усыпанный цветами, пахнет как и на материке и весь умещается в детском кулачке, а грибы тундры выше леса, который вырастает с ладонь.

Дорога обрывается к ущелью "Северного" каменистой осыпью. Глубоко внизу горная река вырывается прямо из штолни. Зона полого тянется к воде, сверху, с дороги, преображаясь перспективой в игрушечные домики архитектурного макета. И лишь в ритме рядов колючки — в этой чересполосице человечьих загонов — угадываются бараки, рабочая зона, караульные помещения и отдельно на западном склоне — карцер. Все разделено колючей проволокой, и все связано ею.

Здесь, на краю земли, между заброшенными урановыми рудниками каторжных зон Северной и Восточной, океанская даль до конца июля забита льдами, а гряды хребтов вытягиваются в очередь, чтобы примерить мантию Королеве. Как бы вдогонку ей устремилась молчаливая свита — монументальные гранитные останцы, — здесь их зовут кекуры, — забытый людьми и Богом караул, прихотью природы приставленный к царствующей над округой вершине.

Одна из них, пониже прочих, вырвалась вперед и будто споткнулась и ушла в невидимую пропасть — лишь голова видна, и, взглявляя отставших, держит, однако, дистанцию. Кекура по жуткой иронии удивительно узнаваема по профилю усатого вождя всего прогрессивного человечества, друга всех заключенных стран. Изваянный тектоническим движением, к которому не причастна ни воля, ни рука человека, этот мутант без затылка остался бессменным стражем сдобренного радиоактивными отходами конвейера смерти.

Скульптура и сейчас производит жуткое впечатление. Остается только догадываться, какой ужас она вселяла в пригнанных по этапу, привезенных в трюмах судов тогда?

Я иду по безграничному кладбищу с отверстыми могилами и спрашиваю:
"Отпетые всеми выюгами Чукотки, какой войны жертвы, не оплаканные
до сих пор, лежат здесь?"

Спрашиваю и не нахожу ответа. Только обезлюдевшие лагерные
Помпеи, всё население которых будто сметено апокалипсической
катастрофой, да молчаливые кекуры остались свидетелями тех лет.

Молчат и недоступные архивы.

Единственные в округе обитатели станции дальней связи пригласили
меня в гости. В разговоре полковник, внимательно выслушавший мой
рассказ об истории урановых зон, деловito спросил:

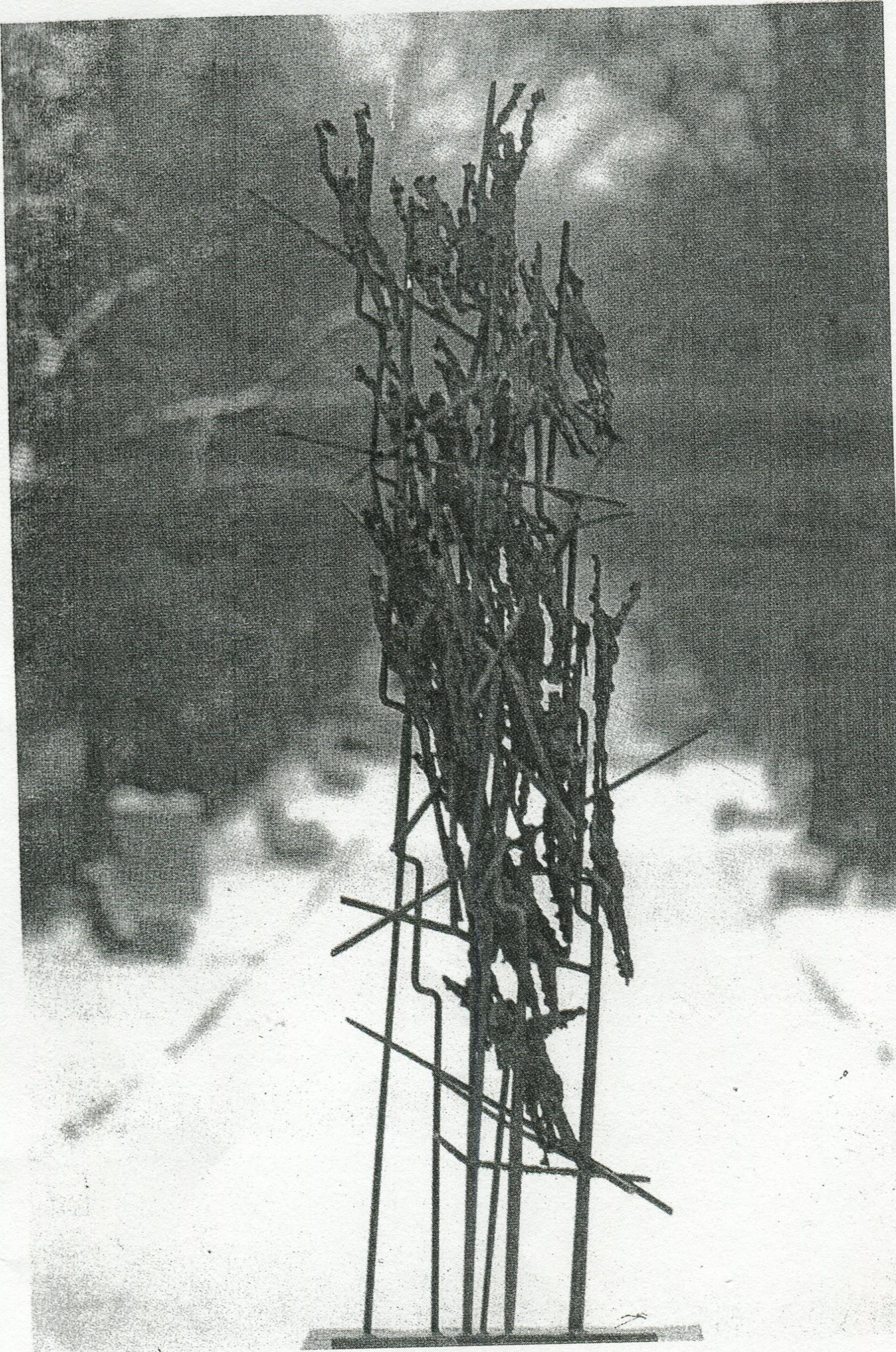
— Так что нам делать со Сталиным? Может, взорвать его?

Меня поразила эта готовность видеть природу через призму
политических клише. Я замахал руками: а знаменитый сфинкс,
египетские пирамиды и гробницы, а римские императорские акведуки?
Что стало бы с ними, приди кому в голову исправлять мир согласно
последним политическим установкам?

Так мне пришлось выступить в роли спасителя каменного идола —
надеюсь на прощение, — тень которого простерлась так далеко и надолго,
что само имя его стало нарицательным не только для режима,
вдохновленного им, но и обозначением для ядерного оружия, сырье
которого и добывалось в чукотских рудниках. Американцы называли
испытания атомных и водородных бомб "Джо" (Иосиф) № 1, 2, 3 и т. д. —
по имени Сталина.

Редкие голоса выживших доносятся к нам из того, кажущегося
нереальным, времени. В 1946 году на Чукотку прибыл этапом на
транспорте "Тобол" политзека Ростовых Юрий Викторович.
Землеустроитель по образованию, там, в зоне, он работал фельдшером.

Он мне рассказывал, как однажды за зиму на лагпункте 32-го км, на
Анадырском перевале, только от обморожений скончалось 105 человек,
не считая умерших от голода. Погибших складывали штабелями у
караулки — пятками наружу для облегчения счета.

Памяти жертв репрессий. Сталь. Сварка

Невдалеке от кекур и выбрали место для будущего памятника. Был обычный туманный день. Голоса вязли в плотной белой массе, да говорить и не хотелось, работали молча. Медленно, камень за камнем рос террикон — из тех же гранитных глыб, что шли и на бараки, и на могилы.

В основание была вмурована бронзовая плита с надписью: "Здесь будет воздвигнут памятник узникам, погибшим в урановых рудниках Гулага в 40—50-е годы".

Гранитные плиты тяжело улеглись в землю, образовав постамент архаичной силы и строгости.

...Неприютна чукотская земля, трудна для человеческого обживания. Похоже, что бог сотворил её, чтобы помнил человек о близком своем конце и легче было ему перейти незримую границу бытия на пути к иным, таким же безлюдным и пустынным мирам.

Мне рассказали о недавнем процессе чукчей о нарушении права на жизненную территорию. Стойбище выиграло процесс — река осталась в их владении, защищена судом от хищнического отношения вербованных поденщиков, но в каком виде?

После того как человек обесплодит землю, ее недра, а в руслах прежних рек потечет мертвая вода, человек должен будет покинуть свою колыбель и осмыслить итог: "Почему сама щедрость дара человеку обернулась ожесточением в уничтожении самого себя?"

Крайний северо-восток страны, Чукотка, убедительный пример к утверждению Л. Гумилева, что любой ландшафт умирает, если он лишен своего природного этноса, единственно знающего, понимающего, выросшего сызмала, родившегося здесь на земле предков и воспринимающего как родную именно арктическую природную культуру.

В Певеке на 20 тысяч его жителей приходится не более двух десятков чукчей, из которых прописаны в городе, как мне сказали, только двое. В Певеке чукчей я встречал только в гостинице и тамошнем буфете.

Никто не мог мне сказать — прописаны ли они? Для жителей Певека коренные обитатели тундры воспринимаются на уровне бомжей.

Сейчас мы вглядываемся в ту даль — начало атомной эры, и отчетливо видим: череда бед, испытых страной полной чашей Чернобыля, идет по кругу в который раз.

Разработка и добыча на урановых месторождениях — не ведомственная инициатива, а государственная политика. Преемник Особого Комитета — Министерство среднего машиностроения, Минцветмет, Минатомэнерго, Минатоммаш, наконец, Дальстрой и сам Гулаг — лишь одно из звеньев государственной политики и поставщики дешевой рабочей силы непрерывным потоком и без промедления.

Цепь безответственных государственных мероприятий включала и попытку создать на Чукотке обогатительную фабрику на месте добычи урановой руды. Для ее обогащения необходима вода, а в горах воды нет. Пытались строить накопители льда, снега, талой воды — искусственные водохранилища прорезают зону до сих пор.

Но этого количества воды было ничтожно мало для производства. И тогда фабрику перенесли в поселок на берегу океана. Так возник город Певек — на земле, отравленной радиоактивными отходами. Вал ядерного апокалипсиса уже катился по стране от Шпицбергена до Колымы и Чукотки, от Забайкалья до Казахстана. Позднее к нему добавились экологические потрясения ядерных испытаний. И снова под ударом север — от Новой Земли до острова Врангеля.

А что же названные министерства и ведомства, занимавшиеся разработкой месторождений, добычей урановой руды и ее обогащением на Чукотке? Использовавшие бесплатный рабский труд заключенных, отравившие землю этого края радиоактивными отходами — и, зная это, все же построившие здесь город Певек — "молодой советский город", как назвал его один из дежурных певцов.

Дорогой ценой было оплачено ядерное равновесие (сколько раз это повторяется, когда в основе лежит безнравственность!).

Одни получали звезды, чины, награды, повышения и премиальные, курорты и привилегии; другие — безвременную гибель в урановых рудниках, на обогащении руды, просто от истощения, непосильной работы и лютого холода:

Не является ли моральным долгом оплата хоть малой толики тех бед, которые принесли они природе и человеку? И прежде всего местному населению, у которого была отнята и частью разрушена сама среда обитания?

Облегчить их существование в стесненных экологических и социальных условиях, сделать все, чтобы не прошел даром трагический урок — создать охранную зону вокруг лагерей "Восточного" и "Северного", сберечь их как памятники рабского труда XX века — музея техники начала атомной эры — и, наконец, увековечить память тех, кто навсегда остался лежать в чукотской земле.

Болезненно и мучительно снимаются с наших глаз бельма идеологии, трудно восстанавливаются провалы в памяти; дано ли нам по-человечески участливо ощутить боль за безвестных мучеников и воздать дань их памяти?

Гулаговские метастазы Чукотки — кусочка земли меж двух океанов — открылись достойными мирового соборования, бесконечными смертельными хороводами в трауре полярных ночей. Арктические сполохи — по чукотским легендам — свет душ усопших. Этот свет душ предков и друзей доходит до нас, чтобы примирить с жизнью и друг с другом.

По их поверьям, умерший в пути независимо от того, сам ли он лишил себя жизни или помогли ему в этом, друг, недруг, идет на небо, где и проживает в обществе Бога.

Для идущих под землю роют могилы, устремляющихся на небо оставляют на поверхности земли.